

«Никто не мог подумать, что журнал делают совсем молодые ребята, — так много наглости, уверенности в них было»

МОДЕСТ КОЛЕРОВ. Кандидат исторических наук, издатель, политический и общественный деятель. Главный редактор информационного агентства REX. Автор многочисленных публикаций на общественно-политические и историко-философские темы. Публиковался в журналах «Новый мир», «Неприкосновенный запас», «Знамя», «Отечественные записки». С 1999 по 2002 г. — издатель журнала «Логос».

- *Опишите, пожалуйста, каким было начало 90-х лично для вас в профессиональном, интеллектуальном плане?*

Слишком общий вопрос. Во-первых, 90-е начались, так сказать, в 92-м году. Потому что 91-й год был частью перестроечного континуума, сохраняющегося, пока все не рухнуло, а рубеж — это 92-й год. Причем 92-й год по объему свободы резко отличался от 91-го, несмотря на то, что послабления были явные и поэтапные. И в издательском смысле 91-й, 92-й год отличались расширением свободы высказывания, практически бесцензурного, и одновременно полной гибелью полиграфической отрасли, когда чуть ли не на туалетной бумаге издавали какие-то важные тексты, исследования. Полная издательская нищета — это был один из признаков того времени. Второй признак — нарастающее недоумение гуманитариев относительно того, что может дать науке старшее поколение исследователей. Общим местом жалоб диссидентов, всех, кого не допускали к публикации, жертв цензуры, всех полудиссидентствующих писателей были разговоры о том,

Модест Алексеевич Колеров много лет, в самые трудные времена, помогал «Логосу» выживать и, в конце концов, выжить, выжить физически. Даже более: без его советов, одобрения или яростной критики невозможно представить существование журнала с самого основания. К сожалению, в последние годы связь между нами прервалась, пропасть идеологических разногласий стала почти непреодолимой, но для меня и моих коллег его интеллектуальный драйв и его дружеская поддержка останутся в истории журнала, а моя благодарность Модесту никогда не иссякнет. — *Валерий Анашвили, главный редактор журнала «Логос».*

что им не дают печататься, и мы искренне в это верили. И когда появилась возможность, когда наступило полное отсутствие цензуры, все мы, и я в частности, думали что сейчас-то они вынут ящики из стола и посыплется интеллектуальный продукт. Говорили даже, что у многих в этих ящиках хранится сокровенное знание. И я помню, что сознательно не касался целого ряда сквозных, ярких, профильных тем истории русской мысли, поскольку был абсолютно убежден, что эти самые хрестоматийные, самые классические имена — Бердяев и все остальные — уж они-то, наверное, вылизаны до предела, так что молодому человеку сказать о них новое слово будет очень трудно. И вот начали выходить бесцензурные журналы, а запасы из ящиков все не появляются. Оказалось, в ящиках ничего и нет, это были просто слова, будто там что-то такое принципиально новое или свежее и запрещенное. Выяснилось, что абсолютное большинство диссидентствующих писателей не проводили дни и ночи в библиотеках, в архивах, изучая подшерсток культуры. Хотя газеты не были запрещены, к журналам соответствующего периода никогда не закрывали доступ, спецхран всегда был открыт для тех, кто хотел в нем заниматься. То есть эмигрантская литература или литература, запрещенная в СССР, — все это в советское время было доступно. Но оказалось, что этого никто не делает. И вот начавшие выходить тогда журналы столкнулись с двумя основными вызовами: первый — легко заполнить свои площади перепечатками каких-то малодоступных текстов, которые и так уже все знают на Западе, а здесь еще не очень знали, второй — обратиться к этим гениям диссидентства, сказать: «Ну, поделитесь сокровенным знанием, дайте страничку из ящика стола!» Когда оказалось, что эти ящики письменных столов лежат на помойках пустые, гремя на ветру, к ним, этим диссидентам, ходить перестали. И оказалось, что смена поколений произошла естественным образом. Новые знания могли давать только новые люди. Всё, и никакой борьбы.

- *Вы помните первые номера «Логоса»? Как бы вы их охарактеризовали?*

Помню первый и второй. Что в них было интересного? Более всего мне запомнилась из первых номеров «Логоса» пионерская вставка в философский контекст фрагмента текста Галковского. Второе — решительная экспансия в библиографическую отрасль с росписью содержания дореволюционного «Логоса». И очень стилистически фривольное, на первый взгляд, обращение Игоря Чубаро-

ва с бердяевскими архивными документами. Помимо того что все это тесно перемешивалось с исследованием русского гусерлианства и прочим, меня это очень сильно привлекало и производило впечатление жуткой гремучей смеси. И потом, никто не мог подумать, что журнал делают совсем молодые ребята, — так много наглости, уверенности в них было. И это хорошо, потому что это была уверенность не граффитчиков, которые сейчас рисуют на стенах, а людей, которые уже считают себя частью академического исследовательского сообщества, принимая все необходимые обязательства. Это было хорошо.

- *Какое место было у «Логоса» в той системе, которую вы описали?*

«Логос» был одним из многих десятков журналов, которые тогда начинали свою издательскую судьбу и в Москве, и в Питере, и в Киеве, но которые в большинстве своем не перешли рубеж первого-второго номера. Никто тогда на первых двух номерах не мог представить себе, что «Логос» продолжится. В 92-м году появился и просуществовал около двух лет историко-литературный филологический публикаторский журнал *De Visu* высокого полиграфического качества, демонстративно без картинок — там, может быть, они и были, но верстка была ригористическая, «научная». Тогда же, в 92-м году, появилось «Новое литературное обозрение», тоже историко-филологический журнал. А вот в области истории, истории мысли, философии таких вот сделанных, поставленных, ригористических журналов не было, все это был жуткий самопал, самодеятельность. На фоне очень высококачественных филологических журналов «Логос» выглядел отчаянным экспериментом, и, повторяю, никто бы и рубля не поставил на то, что он выживет.

- *Почему же тогда он выжил?*

Журнал *De Visu*, говорят, почти два года существовал потому, что его издатели составили себе капитал на издании каких-то сказок, которые хорошо продались, а издатели «Логоса», как говорят, составили себе стартовый капитал на издании тоже какой-то гуманитарной попсы в духе Мейстера Экхарта или «Цветочков» Франциска Ассизского. То есть какой-то стартовый капитал у них был. Но тогда была гиперинфляция, и рассчитать экономическую сторону дела было практически невозможно.

- *А как было в 90-х с меценатством, спонсорством?*

Нетрудно было найти благотворителя на один-два номера. Но практически не было благотворителей на продолжение издания. Это была главная проблема.

- *С чем это было связано?*

С тем, что основные благотворители того времени сами были вчерашними гуманитариями, которые просто сводили счеты со своей молодостью или вытесняли свои комплексы через благотворительность, стремясь остаться тоже умными людьми. Но бизнес того времени был такой ненадежный, что сегодня у тебя мерседес, а завтра вообще ничего. Я еще помню, что даже после дефолта 98-го года, гораздо позже, «белые воротнички» шутили: «не имей мобильный, а имей домашний». Это была глубокая мысль, потому что очень многие, те, кто тогда делали деньги, жили буквально одним днем — с машиной, с мобильным, но без дома, без устроенного быта, соответственно, без каких-либо сбережений. Вот так от широты душевной можно было поддержать несколько номеров, но дальше — нет.

- *Именно с этим и связано то, что некоторые журналы перестали выходить после первого-второго номера?*

Совершенно верно. Именно с этим и связано то, что они не нашли стабильных денег.

- *Как вам кажется, почему в таком случае «Логос» не постигла та же участь?*

Ему повезло — у Анашвили есть талант фандрайзера. Он смог перескакать со льдинки на льдинку, каждый раз находя новый поворот в «Логосе», в редакционной стилистике, чтобы отвечать различным спонсорским, меценатским эмоциям. Поэтому журнал вполне успешно существовал. И, на мой взгляд, пик общественного звучания «Логос» достиг на рубеже 1990–2000-х годов, когда из герметичного философского журнала медленно, но явно превратился в журнал практической философии и философствования о политике. Его номер 99-го года, посвященный Косово, войне в Югославии был, наверное, первым, может быть, самым ярким образцом русской практической философии, которая берет эту

«прозу жизни» и из нее делает те выводы, которые, может быть, тогдашнему Жижеку и не снились. Вот это ахматовское «производство стихов из мусора» в практической философии «Логосом» было явлено очень ярко, мощно. На мой взгляд, это был пик.

- *На какого читателя ориентировался «Логос» в начале 90-х и как, соответственно, он трансформировался?*

На философскую молодежь в первую очередь и на широкую гуманитарную междисциплинарную публику. Потому что, скажем, в исторической науке так и не появилось внятного стабильного издания, которое философствовало бы о методологии истории, об основаниях знания. Точно так же довольно поздно этим увлеклось «НЛО». И «Логос» доступно и не очень доступно рассказывал широким гуманитариям о том, что происходит вообще в эпистемологической сфере.

- *А как бы вы в целом охарактеризовали развитие «Логоса» с 90-х годов до того самого пика, о котором говорили?*

Можно сказать, что это было развитие от любительского, кружкового продукта к значимой научной институции, которая в условиях быстрой смерти таких эстаблированных журналов, как «Вопросы философии», стала на тот момент одним из немногих качественных философских изданий.

- *А сейчас вы читаете «Логос»?*

Нет.

- *Почему?*

Сейчас я не читаю потому, что «Логос» окончательно избрал стратегию тематических номеров, а я и как читатель, и как издатель терпеть не могу тематические номера. Потому что они резко сокращают аудиторию.

- *Но ведь выходили же номера, например, по философии спорта.*

Это и есть тематический номер.

- *Да. А что было до этого?*

А до этого были номера широкого профиля.

- *Были же феноменологические номера. Разве это не узость?*

Философия спорта и феноменология — это все-таки несопоставимые пространства. Они бы еще занялись философией хоккея. В сравнении с феноменологией это разные тематические отрасли.

- *Каких ярких авторов «Логоса» 90-х годов — пока вы его читали — вы могли бы назвать?*

Я думаю, что неправильно сводить все к центральным авторам. Вадим Руднев, безусловно, яркий автор и классик в своей сфере, но он был значим в «Логосе» только потому, что действовал в каком-то хоре, ансамбле. И сводить все к авторам неправильно. Это был такой «бульон», флуктуация в руках Анашвили, а потому здесь была важна констелляция, сочетание, а не какой-то «звездизм». Это, наверное, правильно — отказ от звездизма, потому что звезды тогдашних 90-х, пошедшие по пути Мамардашвили и Подороги, — это как дым, из которого трудно извлечь сухой остаток. А вот коллективное усилие, коллективное *ratio* философского сообщества в качественном смысле не было представлено нигде, кроме «Логоса». Это был другой посыл.

- *То есть вы имеете в виду, что там был какой-то определенный набор авторов или набор Анашвили?*

Дело в том, что Анашвили небрезгливо собирал все подряд, при этом как-то отбирая. Он первым, наверное, стал собирать русскую философскую молодежь по всем этим швейцариям и германиям, которая тогда только-только уехала и думала, возвращаться ей или нет. Безусловно, она принесла на эту сцену совершенно революционную свежесть. И Хестанов, и Надточий, и Маяцкий, и Плотников. Это все замечательные, свежие ребята. Само это поколение — уже явление.

- *А можно ли говорить о том, что «Логос» повлиял в принципе на развитие философии в России?*

Безусловно.

- *И каким образом?*

Он сделал ее более культурной, он вернул ее в актуальный философский западный контекст. Без «Логоса» Россия, русская

мысль еще очень долго искала бы способ взаимодействия с ним. Без него такой прямой, непосредственной интеграции не было бы. При этом нельзя даже говорить о какой-то рецепции — это смешно. Рецепция — это когда сидит дядя-дворник и читает подстрочник. А когда приехали все эти вышеупомянутые мальчишки и — даже не приехав — начали писать, они писали одновременно и на этом языке, и на другом, и на третьем, у себя на месте по-немецки, по-французски, здесь по-русски, где-то по-английски, то есть для них некорректна сама постановка вопроса о рецепции, они были интегральной частью русской интернациональной науки. И все их комплексы и дикости нынешние, если они есть, а они есть, связаны с этим непреодоленным комплексом русского учительства, с желанием чего-то преподавать. Он не только у русских есть, но и, например, у американцев развит. Это было интересное время. Обратите особое внимание на это канализирование «Логосом» русской философской молодежи. Это была, безусловно, революция.

- *Как вы думаете, почему сегодня невозможна такая философская студенческая инициатива, которая могла бы вырасти?*

Она возможна. Потому что было второе поколение философской молодежи — Артемий Магун и другие, — которые уже работали и в «НЛО», а «НЛО», увидев, как хорошо это у «Логоса» получается, тоже пошло в эту сферу, фактически перестало быть ЛО, «литературным обозрением», и стало ГО, «гуманитарным обозрением». То есть за этим идет, наверное, и третье поколение. Но этой взрывной силы почему-то не получается. Я не знаю, можно подумать и придумать, как это сделать. Потому что среди русских интеллигентов, которые работали там и возвращались оттуда, есть прекрасный историк идей Ярослав Шимов, Кирилл Шевченко и многие другие, которые ретранслировали центральноевропейский опыт, причем тоже весьма критично. Если Ярослав Шимов скорее космополит, то Кирилл Шевченко крайне разочарован Западом. Это живые люди, это очень интересно. Если устроить такой постоянно действующий насос, помпу отправляющихся туда молодых людей, гарантировать трибуны здесь, если их обеспечить этим насосом и трибуной одновременно, то они многое смогут породить здесь, сами для себя. В конце концов, именно «Логос» стал стартовой площадкой для научной и писательской карьеры очень и очень многих.

- *Вы могли бы назвать пару имен?*

Все эти вышеупомянутые мальчишки стали здесь знамениты в том числе с помощью «Логоса». Я не думаю, что все они в этом признаются, но это правда.

- *А как вам кажется, «Логос» продолжает канализировать этих молодых людей?*

Сейчас — нет. Но наверняка я не могу судить, не знаю, не читаю. Все-таки это направление очень сильно перехватило «НЛО», но и у него не получается, у него все это носит, при всем уважении, очень миметический характер, вроде: «А дай-ка я тоже что-нибудь отчебучу!» Не потому, что тебя это реально волнует, а потому, что нужно встроиться в какую-то гендерную, бисексуальную схему, как какой-нибудь маргинал из западного университета, чтобы быть тоже одетым по моде. Один пример. Яркая, серьезная, достойная девушка-исследовательница, занимающаяся военным пленом времен Первой мировой войны, главу своей замечательной, в конце концов вышедшей монографии опубликовала в «НЛО». Полноценное историческое, очень толковое исследование. Так она, чтобы «придуриваться» под тренд этого журнала, вынуждена была изнасиловать собственный текст и пустить через заголовок «красную нить», именно в самом дубовом смысле этого слова, будто военный плен — это тоже опыт педагогики или опыт обучения. Чуть собачья. Так ведь и общение раба с палкой тоже можно назвать обучением. А почему? А потому что в «НЛО» был тематический номер. Эта тематическая мода, этот тематический мимезис — чудовищное явление, оно заставляет тебя прыгать по палочке: «Ну-ка подпрыгивай! Ну-ка подпрыгивай!» Да не хочу я подпрыгивать. И эта клановая цензура губит эти издания.

- *А сейчас есть какой-нибудь журнал, который занимает нишу этих нетематических журналов?*

Нет.

- *Она пустует?*

Да.

- *Есть ли вообще какая-то потребность в таком журнале?*

Конечно. Таких нетематических журналов должно быть пять. Разных, зубастых, ведущих жесточайшую войну друг с другом. Нашему с Анашвили поколению еще лет 20–30 серьезно компостировать друг другу мозги. Вы за это время тоже состаритесь. Но у вас еще будет какая-то линия преемственности. Неужели мы будем удовлетворяться этой ерундой, что нам предложена? Конечно, мы породим много интересного.

- *Спасибо большое.*

Пожалуйста.